

А.П. Голиков

ДВФУ

Власть и язык в политике Цинской империи

Империя Цин (大清, 1644–1912¹) в разное время включила в свой состав Маньчжурию, Китай, Монголию, Восточный Туркестан и Тибет. Каждый из этих историко-культурных регионов имеет собственные социально-экономические, этнические, языковые, религиозные и иные особенности. Их политическая культура опиралась на различные механизмы легитимации власти (конфуцианская этика, сакрализованная генеалогия, религиозная санкция), письменные языки самовыражения (китайский, маньчжурский, монгольский и ойратский, чагатайский², тибетский), особенности восприятия соседей и т.д. Сложность структуры населения породила разнообразие политики, применявшейся в различных регионах. Вследствие символической концентрации власти в персоне верховного правителя возникла необходимость особых способов презентации императорского мифа, «сценариев власти» (термин Р. Уортмана) [2, с. 22]³.

В данном исследовании, в рамках более широкой проблемы цинской политики в разных историко-культурных средах, рассматриваются некоторые её особенности, в частности:

- Институциональных параметров, т.е. государственных структур и практик, которые обеспечивали коммуникацию между центральным и местным уровнями власти.
- Отражение культурной специфики в политике Цин;
- Отражение специфики историко-культурных общностей в политическом лексиконе.

Неизбежным представляется сопоставление цинской политики и с современной практикой мультикультурализма, особенно в связи с тем, что современная идеология КНР видит в цинской эпохе исторические предпосылки современной концепции «китайской нации» [11, с. 23].

© Голиков А.П., 2013

Не секрет, что цинский опыт сосуществования различных историко-культурных общностей в рамках одного государства, часто рассматривается (как вовне, так и внутри Китая) в качестве образца мультикультурализма, способного помочь в преодолении сепаратистских движений на окраинах.

Основными источниками информации об институциональных аспектах проблемы являются описания государственных структур империи Цин, в частности соответствующие разделы *Цин ши гао* 清史稿 («Черновой истории Цин»), *Дацзин хуэйдиань* 大清會典 *Дайцин хуэйдиань* («Свода уложений Великой Цин»). В исследовании языковых практик использовались многоязычные словари цинского времени, перечни географических названий, глоссарии и т.д. Из работ современных авторов, необходимо упомянуть отечественные работы Т.А. Пана, труды западных авторов (Роски, Миллворда), исследования китайских учёных (Пань Хунгана, Шан Хункуя, Лю Сяомэна) и т.д.

Институциональные параметры цинской власти во Внутренней Азии достаточно хорошо известны: в империи существовали особые государственные органы, категории чиновников и специализированные структуры, способы рекрутирования персонала и деятельность которых были связаны с управлением различными историко-культурными общностями.

К государственным органам следует отнести:

- Палата внешних территорий (理藩院 *лифаньюань*, см. ниже о переводе названия), бывшая ядром системы управления монгольскими, ойратскими и уйгурскими⁴ вассальными князьями, тибетским духовенством и аристократией и тюрко-мусульманской знатью, а также отвечавшая за сношения с Россией, государствами Центральной Азии и т.д. Палата была основана ок. 1634 г. как Монгольская управа (蒙古衙門 *мэнгу ямэнь*), в 1638 г. получила сохранившееся до XX века название. Центральный (пекинский) аппарат Палаты состоял из 62 маньчжуров, 120 монголов (частью из восьми знамён) и десятка ханьцев (также из восьми знамён). На региональном уровне *Лифаньюань* был представлен особыми резидентами-наместниками (*амбань*), надзиравшими за местной администрацией [13, с. 438; 21, цз. 63, 64; 22, с. 16, 40].

- переводческие службы при Министерстве ритуалов (四譯館 *сыигуань*⁵) и Ханьлинской академии (會同館 *хуэйтунгуань*), отвечавшие преимущественно за сношения со странами Юго-Восточной Азии [12, с. 64; 20, с. 362].

Рутинная практика переводов документов (как правило, между маньчжурским и китайским языками, в некоторых случаях и

монгольским) осуществлялась особой категорией низших чиновников-писцов (筆帖史 *битешии*), которые имелись во всех центральных и многих региональных органах власти. Например, при Министерстве чинов (吏部 *либу*) было 74 должности писцов (58 маньчжурских, 12 ханьских), в Министерстве наказаний (刑部 *синбу*) 122 (маньчжуров 103) [20, с. 352, с. 366]. Для них, начиная с правления Цяньлуна (1736–1795), составлялись особые глоссарии (成語 *чэньюй*), содержавшие предписанные варианты перевода тех или иных сочетаний, названий и т.д. [23, с. 470].

Персонал рекрутировался через:

- Особые переводческие экзамены (как правило, на знание маньчжурского и монгольского языков), дававшие (после заключительного этапа дворцовых экзаменов) особый учёный ранг (翻譯進士 *фаньи цзиньши*), формально соответствовавший высшему рангу обычных экзаменов на знание классических текстов [14, с. 88; 15].

- Казённые училища (官學 *гуаньсюэ*), в которых изучался в основном маньчжурский язык, но также монгольский, ойратский, тибетский, с XVIII века русский [7; 16; 17].

В **практической политике** Цинские власти демонстрировали очевидное понимание глубины культурных различий. Практика сохранения (по возможности) прежних элит обеспечила достаточный уровень контроля над территориями Внутренней Азии. Монгольские, уйгурские князья и тибетское духовенство, после середины XVIII века, редко обнаруживали сепаратистские настроения.

Примечательны, однако, исключения из этого правила. В ряде случаев империя практиковала уничтожение или изгнание определённых категорий элиты: родственников минского правящего дома, монгольской чахарской аристократии, джунгарской знати, восточно-туркестанских ходжей и т.д. Несмотря на различие исторических обстоятельств, обращает на себя внимание тот факт, что всюду имел место конфликт политических культур: несовместимость способов легитимации побеждённых и победителей. Так, чахарские ханы, будучи прямыми наследниками Даян-хана (XVI в.), определённо имели больше «прав» на власть над монгольскими улусами, чем связанные политической экзогамией с родом Борджигид маньчжурские правители [19, с. 122]. Джунгарские правители получили ханский титул «в обход» рода Чингисхана в качестве инвестиции от тибетского Далай-ламы, к чему также стремилась Цинская династия [1, с. 212]. Восточно-туркестанские ходжи претендовали на политическую власть как *сеиды* (потомки Пророка), что, несмотря на романтизированную историю Сяньфэй (香妃), вряд ли было доступно практиковавшим шаманизм и буддизм маньчжурам [5; 8, с. 428–430; 10, с. 140].

Таким образом, несмотря на стремление цинских властей править в согласии с местными элитами, их политика иногда становилась репрессивной (в случае с джунгарами граничавшей с геноцидом), что отражало специфику местной политической культуры.

За весь период династии Цин, уровень многоязычия варьировался. Доминирующим языком администрации вплоть до правления Канси (1662–1722) был маньчжурский, в дальнейшем происходит китаизация бюрократических процедур, а к концу династии полноценное знание иных языков стало редкостью. Так, назначение последним цинским *амбаном* в Тибете не владевшего маньчжурским языком Чжуньина вызвало у его предшественников удивление [4, с. 226; 15, с. 350]. Долгие сохраняли многоязычие специализированные структуры (например, Палата внешних территорий).

Необходимо отметить многоязычие императорского двора. Владевший не менее чем пятью языками император Цяньлун был исключением, но даже не говоривший по-маньчжурски Пуи использовал фонетическое маньчжурское письмо в качестве средства транскрибирования. Как видно на примере серии изображений императора Юнчжэна⁶, некоторые правители не только осознавали отличия культур, но и пытались адаптировать к ним идею универсальной власти [9, с. 53–54].

Примеры многоязычия до сих пор заметны в бывших столицах империи, где нередки архитектурные памятники цинского времени с надписями на нескольких языках.

Языковые практики отражали эволюцию империи. Названия государственных должностей и органов власти, этнические и географические термины переводились, изменялись, нередко конструировались, импортировались из одной языковой среды в другую. В ряде случаев, просматривается стремление адаптировать язык перевода к особенностям восприятия «целевой аудиторией» (т.е. историко-культурной общностью, на язык которой осуществлялся перевод). Примером адаптации терминологии, в первую очередь, может служить перевод императорского титула (см. таблицу ниже):

<i>китайский</i>	<i>тибетский</i>	<i>маньчжурский</i>	<i>монгольский</i>	<i>чагатайский</i>
皇帝 huángdì	gong ma	hūwangdi ejen han	bovdo qavan	ulūgh khān khāghān

Примечательно, что в последнем, чагатайском варианте, используются термины монгольского происхождения, вместо более распространённых в тогдашнем исламском мире титулов *падишах*⁷ или *султан*. Возможно, это отражает неудачу цинских правителей «им-

портировать» исламскую легитимность. Во всех остальных случаях императору удалось успешно «локализовать» идею универсальности правителя.

Важной частью языковой политики было создание словарей и терминологических перечней (глоссариев). По современным данным их насчитывается более 600 [23]. Наибольшую долю составляют двуязычные маньчжуро-китайские (и монголо-китайские), но есть и уникальные многоязычные издания, например «Пятиязычный словарь» [18]. С учётом известных попыток цинских властей упорядочить лексическую и фонетическую структуру маньчжурского и китайского языков, правомерно видеть в такой практике начальный этап стандартизации языков Цинской империи.

Уже в середине XVII века постепенно китаизирующаяся империя осуществила стандартизацию китайских вариантов части политического лексикона. Прежние названия, были, как правило, фонетической передачей маньчжурских терминов средствами китайского письма. Транслитерации, вроде *гушань-эчжэнь* 固山額真 «генерал» (от маньчжурского *гуса-и эджэн*), или *нюлу* 牛錄 «рота» или «командир роты» (от *нюру*) и т.д. были заменены на термины, семантически соответствующие нормам китайского языка (в данном случае *дутун* 都統 «командующий», *цзолин* 佐領 «младший офицер»). Процесс коснулся, безусловно, не всех терминов – до XX века дожили маньчжуризмы *чжанцзин* (章京 «секретарь»), *бутэха* (布特哈 «охотник», особая категория знаменных войск), упомянутый выше *битешу* (маньч. *битхэси*). Вместе с тем, нельзя не признать, что новые названия легче воспринимались ханьцами, что избавляло династию от чрезмерного «варваризма» [18, с. 295; 24, с. 98, 157].

Различные варианты перевода названия некоторых государственных органов демонстрируют стремление властей адаптировать их к особенностям восприятия власти в разных историко-культурных средах (*govern-mentality*). Так, Палата внешних территорий имела несколько языковых версий своего названия, отражавших специфику политических культур.

- В китайском варианте названия (*лифаньюань*, «палата управления вассалами») отражалась традиция, восходящая ещё к эпохе Хань, когда Лю Бан разделил государство на две части – императорский домен и владения князей (как правило, одного с ним рода). В ходе завоевания Китая (середина XVII в.) маньчжуры частично воспроизвели эту систему отношений, выделив территории Юньнани, Гуандуна и Фуцзяни союзным ханьским генералам.

- Маньчжурская версия названия (*тулгерги голо бе дасара чжурган*, «палата внешних территорий») подчёркивала специфическую для маньчжурской политической культуры дихотомию «внутреннего» (*дорги*) и «внешнего» (*тулгерги*), согласно которой Монголия, Туркестан и Тибет лежали вне рамок «внутреннего» пространства империи (Маньчжурия и собственно Китай). Уместно отметить, что современные названия Внутренняя Монголия или Внешний Тибет (*外藏 вайцзан*) восходят именно к этой цинской практике.

- Наибольший интерес вызывает монгольское название (*гадагаду монгол-ун тёрё-ин джасак ябудал-ун ямун*, «палата по управлению внешними монгольскими вассалами из дома Борджигид») [13, с. 438]. В нём указывается на этнические («монгольский»), пространственные (*гадагаду*, «внешний»), политические (*джасак*, «вассальный») и родовые (*тёрё*, т.е. «происходящий от Чингисхана») особенности «подведомственного населения».

Таким образом, в зависимости от языковой версии, в названии этого государственного органа могла подчёркиваться связь с империей (китайская), автономность (маньчжурская), самобытность (монгольская) территорий, управляемых Палатой.

При переводе этнополитических категорий (напр., корейцы, мусульмане, русские) применялись различные приёмы (см. таблицу ниже) [18, с. 303, 304]:

<i>китайский</i>	<i>тибетский</i>	<i>маньчжурский</i>	<i>монгольский</i>	<i>чагатайский</i>
高麗 gāoli	ke-li	solho	solonvos	ṣōlkhō
回子 huízi	tho-gar	hoise	qotong	musulmān
俄羅斯 éluósī	rgya-ser	oros	orus	‘ūrūs

- Для обозначения корейцев в маньчжурском, монгольском и китайском вариантах использовались исторические названия корейских государств: Силла 新羅 (ок. 300–926), Корё 高麗 (918–1392). Примечательно, что самоназвание Кореи в цинское время было Чосон 朝鮮 (1392–1910). В тибетском и чагатайско-тюркском вариантах название Кореи транслитерировалось.

- Для мусульманского населения (преимущественно тюрки и дунгане) в китайском (и маньчжурском) языках использовался термин *хуэй* 回, восходящий к китайскому названию уйгурского каганата эпохи Тан. В то время ислам ещё только начал проникать в

Восточный Туркестан и это слово ещё не имело религиозной ассоциации. Монгольское обозначение мусульман (*хотон*) указывало на оседлость жителей Туркестана⁸. В монгольском языке цинского времени параллельно использовалось слово *уйгур* (*ууур*) для обозначения тюркоязычного населения Восточного Туркестана. В чагатайском же языке использовался термин *мусульман*, отражавший традиционное представление о единстве всех последователей ислама (*умма аль-исламия*). Тибетский вариант, по всей видимости, указывает на *тохаров* – древнее население Восточного Туркестана, к тому времени исчезнувшее.

- Название России и русских (албазинцев) на маньчжурском, монгольском, чагатайском и китайском языках передавалось возникшим ещё при Юань названием *орос*. Тибетское название *гьясэр* («жёлтая страна») скорее всего восходит к цветовой и пространственной символике – жёлтым цветом обозначались территории Центральной Азии.

Таким образом, при переводе этнополитических названий в одних случаях учитывалась специфика исторического опыта, в других – особенности самовосприятия той или иной группы (*мусульмане* по-чагатайски). Иногда происходил «экспорт» термина из одного языка в другой (названия Кореи по-тюркски и по-тибетски).

Заслуживает упоминания то, что Цинская империя не была одинока в своих попытках «справиться» с многообразием подданных. Современные ей Османы, Сефевиды в Иране и Великие Моголы также демонстрировали известное многоязычие: османо-греческое, тюрко-персидское и тюрко-индийское. Стоит отметить особое место этих империй в формировании современных турецкой, иранской и индийской идентичностей [3, с. 204–205].

Как ни странно, «современная» КНР в некоторой степени следует цинскому примеру, в частности в политике стандартизации языков национальных меньшинств [6]. Проявление этого можно увидеть в практике конструирования новых названий Китая (см. таблицу ниже).

	<i>китайский</i>	<i>тибетский</i>	<i>маньчжурский</i>	<i>монгольский</i>	<i>чагатайский</i>
историческое	中國	rgya nag	nikan	qitad	khiṭāy
современное	zhōngguó	krung go	dulimbai gurun	dumbadu ulus	junggo

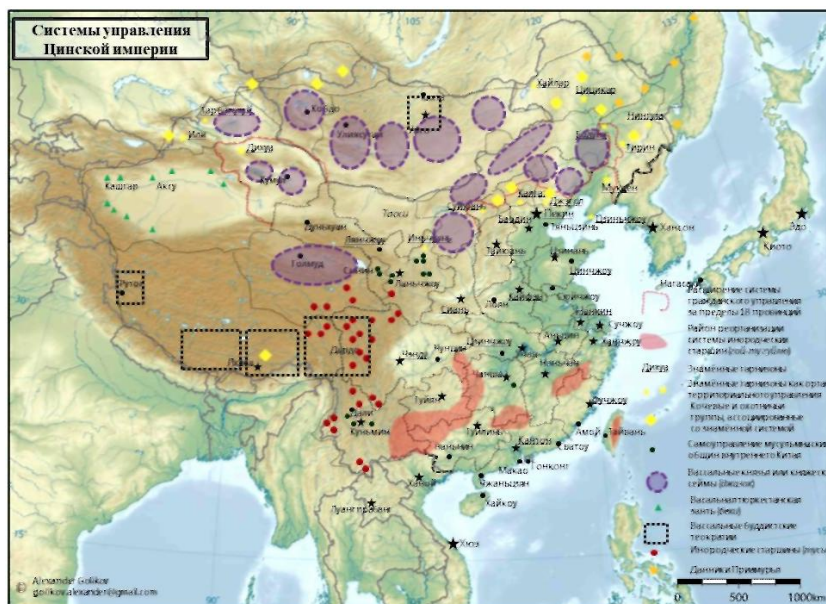
Если в маньчжурском и монгольском КНР следуя практике цинского времени используется буквальный перевод слова *чжунго* «среднее государство», то в уйгурском и тибетском используется его фонетическая передача. Во всех случаях из употребления выведены исторические термины, которые могут вызвать невыгодные властям ассоциации.

Опыт многоязычия эпохи Цин противоречив и не всегда сравним с мультилингвализмом современных государств. Многоязычие было институционализировано, но лишь в одной из ветвей бюрократии – системе восьми знамён. Цин предпринимала попытки стандартизировать языки, но они были вскоре прекращены.

Императоры династии Цин пытались транслировать образ универсальной власти на языках разных культур, но за этими попытками не стояло сколько-нибудь последовательной идеологии признания ценности отдельных культур.

Стагнация конца XVIII в. и кризис середины XIX в. поставили перед Китаем экзистенциальную проблему: встраивания в глобальную систему экономических, политических и культурных связей. Национализм стал доминирующим лейтмотивом развития востока Азии после 1840-х гг.

Впрочем, некоторые цинские языковые приёмы оказались применимы в национальной политике Китайской республики. А уже в наше время опыт последней династии оказался удобной отправной точкой для конструирования образа открытого, терпимого к различиям и, что самое важное, единого многонационального государства. Вне зависимости от искренности создателей нового образа Китая, нужно признать, что эта страна довольно успешно находит в собственном прошлом ресурсы для самообновления.

Примечания

¹ Дан период правления династии Цин в Китае (с момента провозглашения императора Шуньчжи после занятия маньчжурами Пекина до отречения Пуи). Возможны иные хронологические рамки: 1616 г. и 1636 г. для времени основания династии (за пределами Китая) и 1911 г. как год начала Синьхайской революции, свергнувшей её.

² Название принято в специальной литературе. Также известен как староуйгурский или староузбекский. При Цин чаще назывался тюркским (*торки*).

³ От идеологии отличается отсутствием системы рациональной аргументации легитимности власти (таковая имела, в лучшем случае, в конфуцианстве).

⁴ Т.е. князя Турфана и Кумула.

⁵ При Мин использовалось другое иероглифическое написание, означавшее буквально «управление варваров четырёх стран света» (四夷館 *сышгуань*). После маньчжурского завоевания второй иероглиф был заменён омонимичным, означавшим «перевод» (譯 *и*).

⁶ Альбом Юнчжэн синлэ ту 雍正行樂圖 («Император Юнчжэн в костюмах»), изображавший правителя в образе монгола, тибетского ламы, европейского дворянина, конфуцианского учёного, даосского отшельника и т.д.

⁷ Хотя в современном уйгурском языке титул китайского императора переводится как падишах.

⁸ В XIX в. вторгавшиеся со стороны Туркестана в Халху дунгане назывались хотонами, а в современной Монголии так именуются монголизированные тюркоязычные мусульмане.

Литература

1. *Златкин И.Я.* История джунгарского ханства (1635–1758). М., 1983.
2. *Уортман Ричард С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Том 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.
3. *Beckwith C.I.* Empires of the Silk Road: a history of Central Eurasia from the Bronze Age to the present. Princeton, NJ :, 2009.
4. *Ho D.D.* The Men Who Would Not Be Amban and the One Who Would: Four Frontline Officials and Qing Tibet Policy, 1905–1911 // *Modern China*. 2008. № 2. Vol. 34. Pp. 210–246.
5. *Kim Ho-dong.* Holy War in China: the Muslim rebellion & State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, CA, 2004.
6. *Language Policy in People's Republic of China.* Boston, 2004.
7. *Meng Ssu-ming.* The E-lo-ssu kuan (Russian Hostel) in Peking // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1960–1961. Vol. 23. Pp. 19–46.
8. *Millward J.A.* A Uyghur Muslim in Qianlong's Court: The Meaning of the Fragrant Concubine // *The Journal of Asian Studies*. May 1994. Vol. 53. Pp. 427–458.
9. *Rawski E.S.* The Last Emperors: a Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley, CA, 2001.

10. *Togan Isenbeke*. Islam in Changing Society: the Khojas of Eastern Turkistan // Muslims in Central Asia: Expressions of Identity and Change. L., 1992.
11. *Zhao Gang*. Reinventing China: Imperial Qing Ideology and the Rise of Modern Chinese National Identity in Early Twentieth Century // Modern China. 2006. № 1. Vol. 32.
12. *Му Фэнлянь* 穆凤良. Сыигуань юй Тунвэньгуань минчэн као 四夷馆与同文馆名称考 (Сравнительный анализ названий переводческих управлений Сыигуань и Тунвэньгуань) // Цинхуа дасюэ. 2004. Доб. № 1: Том 19. С. 64–67.
13. Мэнгу-ши цыдянь – гудай цзюань 蒙古史词典 • 古代卷 (Монгольский исторический словарь. Древность). Хух-хото, 2010.
14. *Пань Хунган* 潘洪钢. Циндай чжуфан бацзи юй кэцзюй каоши 清代驻防八旗与科举考试 (Экзаменационная система и знаменитые гарнизоны периода Цин) // Цзянхань Луньтань 江汉论坛. 2006. № 6. С. 85–89.
15. Сицзан тунши 西藏通史 (Общая история Тибета). Чжэнчжоу, 2003.
16. *Сунь Вэньлянь* 孙文良. Маньцзу да цыдянь 满族大辞典 (Большой маньчжурский словарь). Шэньян, 1990.
17. *Улань* 乌兰. Тотесюэ – Цинчао югуань бяньцзын миньцзу дэ чжуаньмэнь цзююй цзигуо 托忒学 – 清朝有关边疆民族的专门教育机构 (Ойратское училище – специализованная образовательная структура для управления приграничными народами) // Чжунго бяньцзын шици яньцзю 中国边疆史地研究. 2005. № 2. Т. 15. С. 121–127.
18. Ути цинвэнь цзянь 五体清文鉴 (Пятиязычный маньчжуро-монголо-тибетско-тюркско-ханьский словарь). Пекин, 1957. Тт. I–III.
19. *Ху Тинтин* 芦婷婷. Цинтин пиндин Буэрни чжи луань яньцзю 清廷平定布尔尼之乱研究 (Подавление мятежа Бурни при династии Цин) // Ганьсу лянхэ дасюэ сюэбао 甘肃联合大学学报. 2011. № 6. Т. 7. С. 119–123.
20. Цинши-гао 清史稿 (Черновая история династии Цин). Пекин, 1977.
21. Циньдин дацин хуэйдянь 欽定大清會典 (Свод уложений династии Великая Цин). Тайбэй, 1976.
22. *Чжао Юньтянь* 赵云田. Циндай чжили бяньчуй дэ шуню – лифаньюань 清代治理边陲的枢纽 – 理藩院 (Палата внешних земель: ядро системы управления пограничными владениями в эпоху Цин). Урумчи, 1995.
23. *Чуньхуа* 春花. Циндай мань-мэн вэнь цыдянь яньцзю 清代满蒙文词典研究 (Исследования маньчжуро-монгольских словарей цинской эпохи). Шэньян, 2008.
24. *Шан Хункуй* 商鸿逵. Цинши маньюй цыдянь 清史满语辞典 (Словарь маньчжурских терминов цинского периода). Шанхай, 1990.